

Л. А. Файнберг

РОЛЬ ИНДЕЙЦЕВ В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ БРАЗИЛЬСКОГО НАРОДА

В 1500 г., когда испанцы и португальцы почти одновременно высадились на севере Бразилии в устье Амазонки и на юге этой страны, на ее территории жило 2—3 млн. индейцев. Они принадлежали к нескольким языковым семьям. На северо-западе жили араваки, к востоку от них карибы, на западе в районе нынешней границы с Парагваем мбайя-гуайкуру, а к югу от Амазонки и особенно вдоль всего побережья от устья названной реки и до Кананеа на юге штата Сан-Паулу жили многочисленные племена тупи. Все эти коренные обитатели Бразилии занимались примитивным мотыжным земледелием, охотой, рыболовством и собирательством. Индейцы Бразилии к моменту первых встреч с португальцами находились на разных этапах первобытнообщинного строя. У некоторых племен, особенно из группы тупи, уже существовали зачатки имущественного и социального расслоения, отдельные племена тупинамба бразильского побережья, возможно, уже находились на этапе зарождения военной демократии. Тупинамба делились на ряд племен, которые постоянно воевали друг с другом. Наиболее известные из них — потигуара, тамойо, табажара, собственно тупинамба и др. Именно с этими-то индейцами и встретились в первую очередь португальцы.

Столкновения их с индейцами начались уже в первые годы европейской колонизации страны, когда колонисты стали захватывать земли тупинамба и обращать их в рабство.

Против индейцев направлялись военные экспедиции — энтрадас, которые убивали или захватывали в плен индейцев, живших на побережье, и переселяли их в окрестности португальских поселений, чтобы использовать труд индейцев при строительстве домов, дорог, переноске тяжестей, а также в целях снабжения колонистов продовольствием. В процессе подобного общения с индейцами колонисты усваивали как знания индейцев о растительном и животном мире Бразилии, так и многие слова из языка тупи. Пользуясь лексикой этого языка для общения сначала только с индейцами, а затем и между собой, колонисты в то же время строили фразы по нормам португальской грамматики. Так складывался лингуа жерал, тот смешанный тупи-португальский язык, который до начала XVIII в., по утверждению К. Роша Помбу был гораздо более распространен в Бразилии, чем португальский¹. На северо-западе Бразилии *лингуа жерал* оставался более употребительным, чем португальский, еще дольше — до середины XIX в. Особенно распространен был лингуа жерал среди метисов, значительное число которых появилось в Бразилии уже в XVI в. в связи с тем, что колонисты приезжали без женщин и часто вступали в связи с индианками.

Во второй половине XVI в. потребность португальцев в рабах быстро увеличивалась в связи с ростом числа и размеров плантаций сахар-

¹ Роша Помбу, История Бразилии, М., 1962, стр. 40.

ного тростника. В результате к концу века на побережье почти не осталось непорабощенных индейцев, и тогда экспедиции охотников за рабами распространили свою деятельность на внутренние районы Бразилии. Эти более крупные, чем энтрадас, отряды получили название бандейры.

Двигаясь на запад, бандейры в XVII в. пересекли Мату-Гросу и достигли границ Перу и Парагвая, на севере они дошли до Эквадора, пройдя водными путями от верховьев до устья таких притоков Амазонки, как Арагвайя, Тапажос, Мадейра, на юге бандейры вытеснили испанцев из Параны и положили начало заселению португальцами побережья трех южных штатов Бразилии². На всех этих обширных землях индейцы жили или еще независимо, или в поселках при миссиях. Бандейранты, т. е. члены бандейр, захватывали и уводили с собой как свободных индейцев, так и уже порабощенных испанцами. По подсчетам А. Эллиса-младшего, на протяжении XVI—XVII вв. бандейры колонистов из Сан-Пауло, так называемые паулисты, захватили в общей сложности 350 тыс. индейцев, из которых 80% были вывезены из мест своего прежнего обитания в другие части страны³. К началу XVIII в. территория не только побережья, но и значительной части внутренних областей Бразилии оказалась «освобожденной» от ее коренных обитателей.

Это произошло, несмотря на то, что индейцы оказывали сопротивление колонизаторам, уничтожившим, по их собственным утверждениям, по-видимому, не очень далеким от действительности, до 2 млн. аборигенов.

В 1555 г. индеец тупинамба по имени Аймбере объединил племена тупинамба, гойтака, айморес и часть племен гвиана и карихо в борьбе против португальцев. Так возникла конфедерация племен тамойо, что в переводе значит «хозяева земли». Эта конфедерация в течение многих лет вела войну с португальцами и даже одержала над ними временную победу. Согласно мирному договору, который португальцы оказались вынуждены заключить с тамойо, они обязались не захватывать у индейцев новых земель и освободить рабов. Но вскоре португальцы нарушили договор, напали на селения конфедерации и перебили их жителей, включая женщин и детей. В 1690 г. другая группа индейских племен, оттесненных в засушливые районы, создала новый союз, чтобы отвоевать у португальцев свои прежние земли. Эта попытка тоже оказалась неудачной.

В XVIII в. индеец Аюрикаба объединил несколько племен, оказавших упорное сопротивление колонизаторам. Однако и эти племена были уничтожены португальцами. Среди индейцев не было единства. Если одни племена боролись с захватчиками, то другие, подкупленные и обманутые, сотрудничали с ними. Так, одна часть племени гвиана боролась против португальцев, а другая — во главе с вождем племени Тибириса охотилась за рабами для португальца Жоана Рамальо⁴. За мушкет, за нож индейцы отправлялись в качестве проводников и носильщиков с бандейрами поработать своих собратьев. Но в целом самосознание индейцев, понимание того, кто их друзья, а кто враги, постепенно росло с течением времени. И в XIX в. индейцы уже принимали участие в таких народных восстаниях, как «кабанахем», где вместе боролись против правящих классов, за демократические реформы белые, метисы, негры и индейцы.

Но это — события довольно позднего времени, а что же происходило в первые века колонизации на севере страны, т. е. там, где после опустошений, совершенных энтрадас и бандейрами на побережье и в

² A. D. E. Taunay, *Effects of the Bandeiras*, The Bandeirantes, N. Y., 1965, p. 1181.

³ A. Ellis junior, *Panoramas historicas*, São Paulo, 1946, p. 19—21.

⁴ «A ultima chance dos últimos guerreiros», *«Realidade»*, 1971, № 67, p. 203. 206; J. de Alcântara Machado. *Life and death of the bandeirante*. «The Bandeirantes», N. Y., 1965, p. 69.

центральной части Бразилии, оказалось сосредоточено большинство коренного населения.

Известный бразильский социолог и этнограф Артур Рамос так пишет об этом начальном периоде колонизации: «В течение длительного времени крайний север и крайний юг Бразилии оставались вне зоны деятельности португальских колонизаторов. Амазония всегда представляла большие препятствия для заселения и поэтому до сегодняшнего дня здесь сосредоточена основная масса индейского населения. В этом районе индейцы составляют больший процент населения по отношению к белым и неграм, чем в других частях страны»⁵.

Хотя бандейры паулистов уже достигли Амазонки, первая попытка колонизации принадлежит иезуитам, создавшим в долине реки свои миссии. Только после мадридского договора 1750 г. португальцы смогли объявить своей территорией Амазонку и стали заселять ее долину. Важнейшими целями первоначальной колонизации этой обширной области являлись сбор в амазонских лесах корицы, гвоздики, перца и других специй, а также дикорастущего какао и ценных пород древесины. Для этого организовывались экспедиции из поработанных индейцев. В отличие от остальных районов Бразилии в Амазонии на протяжении всего колониального периода подавляющую часть рабов составляли индейцы. Если на сахарных плантациях использование труда индейцев оказалось по многим причинам менее выгодным, чем использование труда рабов-негров, то в лесах севера страны только индейцы могли с успехом собирать продукты тропического леса, так привлекавшие португальцев. Индейцев-рабов использовали также для расчистки леса под плантации, для перевозки грузов, для охоты и рыбной ловли, для постройки фортов и т. д.

Эксплуатацией индейцев занимались и различные религиозные ордена, прежде всего иезуиты, действовавшие под флагом христианизации индейцев и защиты их от притеснений светских колонизаторов. В XVII и первой половине XVIII в. иезуиты создали на Амазонке и ее притоках свои поселки, куда переселяли индейцев, принадлежавших к различным племенам. В 1753 г. только в провинции Пара было 63 таких поселка, в которых жило 50 тыс. крещеных индейцев⁶. Из их числа иезуиты организовывали специальные отряды по сбору лесного сырья. Эксплуатация индейцев приносила миссионерам большие доходы, и они всячески препятствовали проникновению в районы обитания индейцев светских колонизаторов.

Деятельность религиозных орденов вела к изоляции индейцев от пришлого населения и в то же время способствовала, прежде всего на севере Бразилии, в Амазонии, возникновению нового населения, которое уже нельзя было считать чисто индейским. Совместная жизнь в миссионерских поселках индейцев различных племен вела как к физическому межплеменному смешению, так и к нивелировке племенных культур. Терялись и племенные языки. На смену им приходил насаждавшийся миссионерами лингва жерал. Под влиянием миссионеров индейцы воспринимали и некоторые элементы европейской крестьянской культуры: одежду, жилище, ряд обычаев, верования и праздники.

Таким образом, население миссионерских поселков, оставаясь индейским по своему физическому типу, в культурном отношении представляло новую этническую общность, возникшую в результате языковой и культурной консолидации десятков племен и сплава их культур с элементами европейской культуры. Это был прототип северного, амазонского типа бразильца. Индейцы миссионерских поселков являлись по существу крепостными религиозных орденов и таким путем оказыва-

⁵ A. Ramos, *Las poblaciones del Brasil*, Mexico, 1944, p. 31.

⁶ L. Tocantins, *Amazonia*, Rio de Janeiro, 1960, p. 49.

лись втянутыми в феодальную систему производства. Постепенно исчезала экономическая изолированность и самостоятельность, характерная для их предков.

Собирательство продуктов тропического леса, ориентированное на внешний рынок, способствовало вовлечению нового населения Амазонии в сферу товарного обращения. Но чем больше иезуиты развивали в Бразилии свою предпринимательскую деятельность, тем больше она приходила в противоречие с интересами португальской короны и отдельных светских колонизаторов. И в 1755 г., в период правления в Португалии маркиза Помбала, суверенная власть иезуитов в миссионерских поселках была упразднена, а сами поселки были переданы в распоряжение светских властей. А еще четыре года спустя иезуиты были изгнаны из Бразилии. Миссионерские поселки были преобразованы в города. Таково, например, происхождение городов Фаро, Обидос, Макапа и многих других. Помбал издал закон об уничтожении рабства индейцев и о предоставлении им равных прав с белыми. Он стремился к ассимиляции индейцев в бразильское общество. Этой цели служило преобразование миссионерских поселков в города, в которых могли жить и индейцы, и белые. Ту же цель преследовал закон об обучении индейцев португальскому языку вместо лингва жерал. Еще один закон поощрял смешанные браки между португальцами и индейцами. За брак с индианками португальские колонисты получали бесплатно земельные пожалования, сельскохозяйственные орудия и другие льготы.

Все эти мероприятия Помбала способствовали включению уже детрибализованных индейцев из миссионерских поселков в состав бразильского народа. Но они входили в бразильское общество как его низший слой, его наиболее бесправная и эксплуатируемая часть. Формальная отмена рабства не устранила его фактически. Примером этого может служить один из декретов Помбала, согласно которому все индейцы бывших миссионерских поселков должны были зарегистрироваться у назначенных бразильскими властями начальников этих поселков и в каждый сезон года половина мужчин в возрасте от 13 до 60 лет должна была бесплатно трудиться на португальцев, другой же половине разрешалось в это время оставаться дома и трудиться на себя⁷. В 1777 г. Помбал был свергнут, к власти в Португалии пришли крайне реакционные круги, и политика, направленная на ассимиляцию бразильских индейцев, была прекращена, хотя на местах этот процесс стихийно продолжался.

В XIX в. на севере страны непрерывно происходил процесс детрибализации индейцев, живших вдоль главного течения Амазонки и ее притоков, использовавшихся португальцами для сбора лесного сырья, а также в качестве слуг. Г. Бейтс, в середине XIX в. некоторое время живший в городке Эга в верхнем течении Амазонки, писал:

«Многие из эгских индейцев, в том числе вся домашняя прислуга, — дикари, доставленные с окрестных рек Япуры, Исы и Солимоинса. Я встречал здесь представителей по меньшей мере 17 различных племен, большая часть была куплена в детстве у туземных вождей. На этот вид работорговли, хотя и запрещенный бразильскими законами, власти смотрят сквозь пальцы, потому что здесь нет иного способа раздобыть прислугу. Вырастая, индейцы становятся свободными, но никогда не обнаруживают ни малейшей склонности вернуться к первобытной дикой жизни, и даже бежавшие от хозяев индейцы не возвращаются в малюки своих племен, но присоединяются к группам, которые, ведя кочевой, полудикий образ жизни, занимаются собиранием лесных и речных продуктов»⁸.

⁷ Ch. Wagley, Amazon town, N. Y., 1953, p. 37—38

⁸ Г. Бейтс, Натуралист на реке Амазонке, М., 1958, стр. 286—287 (малюки — общинные жилища. — Л. Ф.).

Во второй половине XIX в. процессы распада индейских племен и родовых общин значительно усилились. Это было связано с тем, что в названный период началось интенсивное освоение бразильцами крайнего севера и запада страны. Начиная примерно с 1870 г., сотни тысяч бразильцев переселились на север, в Амазонию, влекомые надеждой разбогатеть, собирая каучук, потребность в котором быстро росла во всем мире. Для простых тружеников эти надежды оказались призрачными. Их труд привел лишь к фантастическому обогащению «каучуковых баронов». Каучуковый бум способствовал проникновению бразильцев в глубокие районы на притоках Амазонки, где до того жили только индейские племена. Индейские селения уничтожались, а их жителей захватывали в рабство. Детей превращали в слуг, женщин — в наложниц, стариков убивали, а из здоровых мужчин формировали отряды сборщиков каучука. В результате те из захваченных индейцев, кому удавалось выжить, навсегда отрывались от своих прежних общин и племен и постепенно пополняли низший слой бразильского общества. В этот же социальный слой попадали и дети, родившиеся от наложниц-индейцев.

Часть же индейцев, спасаясь от порабощения, покидала места своего прежнего обитания на больших судоходных реках и рассеивалась в наиболее глухих и недоступных местах тропического леса. Таким образом, в результате эпохи каучукового бума на значительных территориях бразильского севера на смену племенным индейским этносам пришел бразильский этнос, хотя и сохранявший местный индейский колорит.

В ту же эпоху во многом сходные процессы происходили и на юго-западе Бразилии, но связаны они были здесь с войной с Парагваем (1864—1869 гг.). Эта война самым непосредственным образом сказалась на судьбах индейцев, живших на западе Бразилии, вблизи границы с Парагваем, и на этническом облике всего пограничного района. Индейцы оказались втянутыми в войну и выступили, кто на стороне Парагвая, кто на стороне Бразилии.

Характерна судьба одного из наиболее крупных племен этого района — терена. В конце XVIII в. это племя, насчитывавшее 3—5 тыс. человек, переселилось из Парагвая в Бразилию и осело в основном в районе г. Корумба. Когда началась война, терена выступили на стороне Бразилии. Как известно, эта война, закончившаяся победой Бразилии, временами шла с переменным успехом. И когда Парагвай в период своих побед занял земли, на которых жили терена, последние, опасаясь репрессий, бросили свои селения и посеы и бежали в горы. После победы Бразилии терена не вернулись в места своего прежнего обитания. Это было связано с тем, что на землях терена поселились демобилизованные бразильские солдаты. Тем самым было положено начало массового заселения пограничного района бразильскими крестьянами. До войны здесь, кроме индейцев, жило сравнительно небольшое число бразильских скотоводов. Последние, кстати сказать, также воспользовались уходом терена в горы и огородили часть их прежних земель под пастбища⁹. Возвращавшимся с гор терена ничего не оставалось, как наниматься батраками на фазенды скотоводов или уходить в соседние районы в поисках какой-либо работы, например на строительстве дорог.

В результате к концу XIX в. терена утратили значительную часть своей традиционной культуры и, вероятно, довольно быстро растворились бы в среде местного бразильского сельского пролетариата или просто вымерли бы от тяжелых условий жизни, как это случилось со многими племенами Бразилии, если бы в 1904—1928 гг. Служба защиты индейцев на части прежних земель терена не создала для них восемь резер-

⁹ R. Cardoso de Oliveira, *Urbanização e tribalismo*, Rio de Janeiro, 1968, p. 40—42.

ваний. В этих резервациях каждая индейская семья получила в пользование участок земли, который она не имела права продать или сдать в аренду. Наделение земель стало мощным стимулом для концентрации терена в этих резервациях и вскоре за их пределами осталось только около 20% этих индейцев¹⁰. Участки земли в резервациях настолько малы, что ни одна семья не может прожить только за счет урожая со своего поля. Кто-нибудь из членов семьи должен заниматься отходничеством. В последние два десятилетия несколько сот терена переселились в города, но они не теряют связь со своими родственниками в резервациях, чтобы сохранить право на землю.

Так, резервации, даже если пребывание в них не было для индейцев обязательным, оказались фактором сохранения племенных этносов. Надо, правда, иметь в виду, что в ряде случаев этническое самосознание индейцев является в известной мере двойственным. Среди своих соплеменников они осознают себя терена, тукуна, тенетехара или членами других племен и поддерживают между собой тесные связи, а при общении с белыми, неграми или метисами те же самые индейцы утверждают, что они чистокровные бразильцы, парагвайцы или по меньшей мере метисы. Такие заявления вызваны широко распространенной среди населения страны дискриминацией, презрительным отношением к коренным жителям. Именно поэтому многие индейцы, имеющие тесные контакты с неиндейским населением, пытаются убедить других, а порой, кажется, и самих себя в том, что они не индейцы, что среди их предков были европейцы (подобные заявления можно, например, услышать от молодых индейцев племени тенетехара) и что за индейцев они выдают себя лишь ради сохранения наделов земли в резервациях¹¹.

В действительности племена в районах с преобладающим по численности бразильским населением, если не вымирают и не подвергаются истреблению (а такая судьба, как показывает история Бразилии, ждет их чаще всего), постепенно теряют свою традиционную культуру и встают на путь ассимиляции. Тормозом на этом пути являются такие факторы, как стремление сохранить резервационные земли, с одной стороны, и существующая дискриминация индейцев.

К началу XX в. в Бразилии оставалось около 200 тыс. индейцев, разделенных на 230 племен. В это число не входили индейцы, не известные еще ни ученым, ни бразильским властям. Такие племена, по-видимому, до сих пор живут в ряде районов к северу от р. Амазонки, как например, некоторые из племен, известных под общим названием яноама. Что же касается известных племен, то большая их часть, а именно более 100 племен, в 1900 г. жили в районах лесных промыслов и, как правило, не имели или почти не имели с бразильцами непосредственных контактов. Большинство остальных племен имело с бразильцами не очень регулярные контакты и в основном сохраняло традиционное хозяйство и самобытную культуру. Число же так называемых интегрированных племен, т. е. племен, включившихся или включенных в экономическую жизнь того или иного района Бразилии, и являвшихся для помещиков и предпринимателей этого района резервом дешевой рабочей силы и в основном утеравших самобытную культуру, было в 1900 г. еще невелико, менее 13% от общего числа племен страны.

К середине XX в. положение существенным образом изменилось. За полвека вымерли или были уничтожены почти 90 племен, а численность оставшихся сократилась. И в 1957 г. в Бразилии уже насчитывалось не 200 тыс., а только 100 тыс. индейцев и немногим более 140 племен. При этом число племен, мало соприкасающихся с бразильцами, уменьшилось

¹⁰ R. Cardoso de Oliveira, *Matrimonio e solidariedade tribal terena*, «Revista de antropologia», vol. 7, 1959, № 1—2, p. 45.

¹¹ Ch. Wagley and E. Galvão, *The Tenetehara Indians of Brazil*, N. Y., 1949, p. 13, 176.

более чем втрое. Таких племен в 1957 г. осталось только 33. Напротив, процент интегрированных племен значительно увеличился, и они составляли в указанном году более 30 %. И все же основным процессом в XX в. является не интеграция, а физическое исчезновение коренного населения страны. Характерны, например, судьбы таких племен, как тупари, пау де арко, гавиоэс и многих других. Так, в 1927 г., когда тупари впервые встретились с бразильскими сборщиками каучука, их насчитывалось около 3000 чел., а в 50-х годах тупари оставалось менее 70. В 40-х и в 50-х годах вымерли такие племена бразильского северо-востока, как пау де арко и гавиоэс. Последнее было почти целиком выселено со своих исконных земель и переселено Службой защиты индейцев на окраины городка Итупиранга, где оно и вымерло буквально за несколько лет от резкой перемены образа жизни, недоедания, болезней и вызванной всем этим моральной депрессии.

Сходная судьба, по-видимому, ожидает шавантов. В 1945 г., когда шаванты были «умиротворены», т. е. перестали защищать свои земли от бразильцев, их насчитывалось около 6000 чел. Теперь их остается менее 2000 чел., утративших к тому же территориальную общность, так как большая часть земель резервации этого племени захвачена местными помещиками, и в 1969 г. вместо прежней резервации было создано три новые, маленькие и разделенные землями бразильских скотоводов¹².

Не прекратилось до сих пор и прямое истребление индейских племен. Так, в последнее десятилетие банда, нанятая спекулянтами земель, уничтожила несколько селений племени синтас ларгас на границе Рондонии и Мату-Гросу и расстреляла живших здесь индейцев из пулеметов, не пощадив ни женщин, ни детей. В другом месте этого штата один серингалист, т. е. предприниматель, занимающийся добычей каучука, дал индейцам племени бейсо де пау сахар, отравленный стрихнином. Массовые убийства индейцев бороро и каяпо были совершены бразильскими скотоводами в штатах Пара и Мату-Гросу. Некоторые из виновников этих злодеяний были привлечены к судебной ответственности, но фактически никто из них не был наказан¹³.

В результате как вымирания, так и истребления происходит быстрое уменьшение численности бразильских индейцев. Многие бразильские этнографы полагают поэтому, что уже в ближайшие десятилетия в этой стране совсем не останется коренного населения или в лучшем случае оно сократится еще на 50—60 племен¹⁴.

Начиная с 70-х годов XX в. на севере и западе страны, где сосредоточена подавляющая часть коренного населения, началось строительство больших автомобильных дорог, общей протяженностью около 12 тыс. км. Трассы этих дорог проходят через территории, на которых живут десятки индейских племен. В этих условиях глава Индейского национального фонда (ФУНАИ) правительственной организации, сменившей полностью дискредитировавшую себя Службу защиты индейцев, генерал Бандейра де Мелло заявил, что нельзя допустить, «чтобы индейцы стали препятствием на пути прогресса страны». Во избежание этого решено как можно скорее сделать из индейцев «плотников, строителей, механиков, людей ничем не отличающихся от бразильцев», т. е. фактически ставит целью быстрой, безусловно насильственной ассимиляции индейцев, хотя это и запрещено подписанной и Бразилией Женевской конвенцией № 106 от 1966 г. о недопущении принудительной ассимиляции национальных меньшинств¹⁵.

А до тех пор, пока эта цель не будет достигнута, индейцев, живущих на трассах автодорог или в районах, где обнаружены месторождения

¹² «Estado de S. Paulo» 18.IV.1971; 23.V.1971.

¹³ «A ultima chance dos ultimos guerreiros», p. 242.

¹⁴ «Correio de Manhã», 24.V.1971; «Der Spiegel», 1969, № 46, p. 190.

¹⁵ «Visão», 26.IV.1971.

полезных ископаемых, предполагается переселить во вновь организуемые резервации, создаваемые на землях, не представляющих интереса для бразильской экономики. При этом, как свидетельствует бразильская печать, меньше всего учитывается, подходят ли эти земли для ведения традиционного хозяйства переселяемых племен. Не принимается во внимание и то, что некоторые племена, объединяемые в одной резервации, издавна враждуют между собой. По-видимому, может быть только один итог подобных мероприятий Индейского фонда — дальнейшее ускоренное вымирание индейцев. По последним, правда, еще не проверенным оценкам их уже осталось в Бразилии всего лишь 50 тыс.¹⁶

Тем не менее насильственные переселения индейцев продолжают. В начале 1972 г. ФУНАИ приняло решение переселить 500 индейцев племени паташо из недавно образованного национального парка Монте Паскоаль на юге Баии, где предки этих индейцев жили еще до открытия Бразилии европейцами, в другой район того же штата. По мнению бразильской печати, это решение равносильно фактической отмене закона, согласно которому индейцы имеют право жить в месте своего рождения.

Характерно, что в парке Монте Паскоаль разрешено селиться и заниматься лесным промыслом бразильцам. Индейцам же запретили здесь охотиться и даже собирать плоды и заготавливать топливо. Новый район, предназначенный для паташо, — это бросовые земли, непригодные ни для земледелия, ни для охоты. Индейцы здесь будут обречены на голод и быстрое вымирание.¹⁷

Понятно, что те из работников ФУНАИ, кому действительно дороги интересы индейцев, не могут мириться с подобным положением. Они пытаются отстаивать интересы коренного населения. В ответ руководство ФУНАИ подвергает подобных непокорных работников всевозможным преследованиям: увольняет, переводит на новое место или запрещает публичные выступления. Так, например, бывший директор индейского парка Арипуана — А. Мейреллес, протестовавший против заселения колонистами земель племени синтас ларгас, был снят со своего поста и заменен отставным генералом¹⁸. Некоторые видные индеанисты-практики сами уходят из ФУНАИ убедившись в своей неспособности помочь индейцам при существующих условиях. Так, А. Котрим Нето, покинувший ФУНАИ весной 1972 г., сказал в заявлении для печати, что за 10 лет работы среди индейцев наблюдал постоянный рост смертности среди них. В 1958 г. индейцев мекранонту было 600, в 1966 г. — 248, а в 1972 г. — только 132. В трех селениях индейцев паракана, отношения с жителями которых были установлены в 1971 г., только в течение одного года умерло 40 из 120, имевших контакты с бразильцами. 36 оставшихся в живых гавиоэс Пары находятся в отчаянии от постоянных нападений бразильских колонистов. Котрим Нето скрывал от колонистов, что у гавиоэс осталось только 18 воинов. Если бы фазендейро узнали это, они ворвались бы в индейскую деревню и перебили бы всех ее обитателей.

Заклячая свое заявление, Котрим Нето сказал: «Я не хочу и дальше заниматься бесполезной работой, в которой корыстные интересы ставятся выше интересов индейцев. Я устал быть их могильщиком»¹⁹.

В XX в. в связи с капиталистическим освоением глубинных районов страны еще более углубилась пропасть между индейцами, сохранявшими до недавних пор многие элементы первобытнообщинных отношений, и бразильцами, вступившими в эпоху развитых капиталистических отношений. Лишь в такой удаленной и испытывавшей длительный экономический застой области Бразилии, как бассейн правых притоков Риу-Негру

¹⁶ «Estado de S. Paulo», 8.VII.1971.

¹⁷ «Estado de S. Paulo», 27.II.1972.

¹⁸ «Estado de S. Paulo», 30.VII.1972.

¹⁹ «Estado de S. Paulo», 25.V.1972.

(Ваупес и Исана), сохранялась по крайней мере до последних лет значительная культурная и даже языковая близость (на основе широкого использования в быту лингуа жерал) между индейцами названной области и ее сельским бразильским населением, состоящим в основном из ассимилированных индейцев и индейско-европейских метисов. Не случайно в этой области, где нет такой резкой границы между индейцами и неиндейцами, как в других частях Бразилии, процесс ассимиляции коренного населения происходил и в XX в. Во многих местах он полностью или почти совсем прекратился. То же самое можно сказать и о происходившем ранее в довольно больших размерах заимствовании бразильцами таких элементов индейской культуры, как приемы и техника подсечно-переложного земледелия, знание флоры и фауны Бразилии, мифологии и т. д. Теперь почти повсюду процесс аккультурации стал односторонним: индейцы продолжают заимствовать элементы бразильской культуры, но не наоборот. Иными словами, очевидно, что наряду с непрерывным сокращением численности индейского населения резко упало и их этнокультурное значение в современном развитии бразильской нации.

THE ROLE OF INDIANS IN THE HISTORICAL FORMATION OF THE BRAZILIAN NATION

At the moment of Brazil's colonization by the Portuguese its territory was inhabited by a great number of Indian tribes. The early stages of colonization were characterized both by the extermination of Indians and by their forced mass migration having as its object the utilization of their labour. At the same time, the European colonists mixed with the aboriginal population biologically and adopted many elements of Indian culture. Later an intensive assimilation of Indians took place in the third quarter of the XVIIIth century as a result of the policy of Marquis Pombala, Prime Minister of Portugal, who aimed at the inclusion of Indians in colonial society. In the second half of the XIXth century the war with Paraguay and the rubber boom had as one of their consequences the disappearance in the course of a few decades of Indian tribal ethnoses over the greater part of the South-West and the North of Brazil where their place was taken by the Brazilians. In the XXth century the continuing decrease in the numbers of Indians was accompanied by a change in their ethno-cultural relations with the Brazilians. Both the assimilation of Indians by the Brazilian nation, and the adoption by the latter of elements of Indian culture ceased as a significant social process. The role of Indians in the further ethnic evolution of the Brazilian nation is at present negligible.
